

**НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР**

КАРОЛИНА
ЭРИКССОН

НАБЛЮДАТЕЛЬНИЦА

Издательство АСТ
Москва

*С благодарностью
маме и папе
за то, что было,
за то, что есть,
за то, что осталось*

МУЖ

Пролог

Н*ужели вот так все и закончится?*

Я шатаюсь на краю, оборачиваюсь, встречаюсь с ней взглядом. Эти глаза когда-то встретились с моими перед алтарем крошечной деревенской церквушки. Тогда они были полны жизни, полны любви. Теперь же потемнели от ненависти. Выражение ее глаз говорит о жажде мести. И я вижу на ее лице решимость, целеустремленность, которой давно уже не наблюдал. И только сейчас меня посещает мысль: то, что происходит, то, что произойдет — никакая не случайность. Моя жена выжидала. Желала мне смерти.

Я столько волновался за нее... а теперь понимаю, что волноваться нужно было за себя.

Говорят, что в последние секунды вся жизнь проносится перед глазами — от начала до конца. И откуда только это знают? Но у меня все не так. Нет, мимо не проносится кавалькада дней рождения и праздников, успехов и поражений. Не видно лиц самых дорогих и близких людей. Только одна картина стоит перед

глазами. Поразительно, но это церковь, в которой мы когда-то пообещали друг другу быть вместе и в горе, и в радости.

День свадьбы. Наши пальцы переплелись. Мы медленно идем по проходу к алтарю. Гости улыбаются на скамьях, шурша праздничными нарядами, в воздухе пахнет летними цветами. Я помню все, каждую деталь, так ясно, как будто это было вчера. Клятвы, которые мы сочинили сами, солнце, проникающее в витражные окна, благословение священника.

И что теперь? Где она меня захоронит? В церкви, где мы поклялись любить друг друга до гроба? Меня или то, что от меня останется?

Под ногами у меня бездонная пропасть. Пропасти неведомо милосердие. Все происходит быстро, но каждое мгновение длится вечность. Она подходит ближе, становится совсем рядом. Поднимает одну руку, потом другую. Сейчас я упаду и разобьюсь. Сейчас все закончится.

Раз, два, три.

Сейчас.

ЭЛЕНА

1

В районе четырех утра я встаю и накидываю халат. Я давно уже перестала, лежа в постели и страдая от бессонницы, считать часы и минуты. С момента разрыва не прошло и месяца, и я еще не привыкла спать одна в постели. Не знаю, привыкну ли когда-нибудь. Мне не хватает Петра. Не хватает его присутствия. В нашу первую ночь мы оба почувствовали, что наши тела будто созданы друг для друга. Они были словно две части одного целого. Впервые наедине с женщиной я испытала нечто подобное. И Петер тоже это почувствовал. *Мы как пазл*, шептал он мне на ухо, *пазл из двух фрагментов*.

Лестница, ведущая на первый этаж, угадывается в темноте. Ступеньки узкие и крутые — на них легко поскользнуться. Зажмурившись, я наклоняюсь вперед, смещая центр тяжести в сторону лестничного проема. Что, если пойти, не открывая глаз, отдавшись на волю судьбы? Удалось бы мне спуститься вниз невредимой? Или я бы оступилась, сломала шею и осталась лежать внизу на полу? Жизнь, погасшая в ночи, одинокая капля в мировом океане.

Я вытягиваюсь еще дальше. Мне не нужно испытывать судьбу. Есть и другая альтернатива. Просто броситься вниз, приземлиться на голову и свернуть себе шею. Не впервые эта мысль меня посещает, и, как и раньше, я тут же начинаю думать о сестре: ведь это она нашла бы меня, ей пришлось бы заниматься похоронами. Из всей семьи нас осталось двое. *Я не могу так с ней поступить.* Рука тянется к выключателю. Свет заливает лестницу, и я спокойно спускаюсь вниз.

Я иду через пустой дом — мое новое жилище, которое мне вообще-то не принадлежит. Я — лишь тень, я здесь транзитом по пути в другие места. Аренда на три месяца оплачена вперед. Что потом — мне неизвестно. Мне стоило бы испытывать тревогу, но я ничего не чувствую. Ничего.

На кухне я набираю стакан воды и пью, прислонившись к раковине. В доме напротив свет не горит. Во всех окнах темно. Его обитатели наверняка спят, как все нормальные люди в это время. Спят спокойным сном рядом с любимыми — в постели или в соседней комнате. В спальне меня ждет чужая односпальная кровать. Холодная и неудобная. Некому согреть ее для меня. Нет ног, о которые можно согреть мои ледяные ступни. Нет спины, к которой можно прижаться.

Пазл из двух фрагментов. Однажды я использовала это выражение в рукописи. От редактора она вернулась с двумя красными чертами поверх этой строки и «банально» в комментарии на полях. Она не могла знать, как много для меня значат эти слова, она просто выполняла свою работу. Я приняла правку. Мо-

жет, мне стоило настоять на своем и не отказываться от этих особенных для меня слов. Редакторская правка — это только предложение от издательства, обычно разумное, но в конечном итоге автор сам решает, каким должен быть его текст. В следующий раз надо об этом помнить. В следующей рукописи... фраза вытекает в пустоту, я допиваю воду и качаю головой. В следующий раз? Следующая рукопись? Кого я пытаюсь обмануть? Я не написала ни строчки за два года.

Иду дальше по дому тем же маршрутом, что и обычно в эти бессонные ночи, и оказываюсь в гостиной. Она небольшая, и здесь я сложила вещи, которые забрала из нашего с Петером дома. Вдоль стен выстроены коробки с вещами, которые я не стала распаковывать. Бессмысленными вещами — реликвиями времен, которые никогда не вернуться. Только один предмет еще имеет для меня значение.

Медленно подхожу к книжному шкафу. Вытягиваю руку и осторожно провожу ладонью по корешкам тесно прижавшихся друг к другу книг. Под обложками таится так много рассказов, так много судеб. Там описана радость и боль человеческой жизни, жестокость, которую мы совершаем и причиняем друг другу. У всех этих рассказов есть общие темы, как и у всех жизней. Я знаю, что не я одна переживаю то, что переживаю. Но все равно в это трудно поверить. *Мама, если бы ты только могла меня видеть.*

Руки сами делают выбор, словно живут своей жизнью, словно мне они не принадлежат. Книга за книгой

поднимается в воздух и опускается на новое место: иногда на той же полке, что и раньше, но чаще на другой. Сперва это происходит медленно и бесцельно, затем быстрее и сосредоточеннее. Книги переезжают с места на место: ниже, выше, ближе к центру, ближе к краю. Сегодня я сортирую их по названиям, но система тут не важна, важно само занятие. Оно меня успокаивает, не дает сорваться в пропасть.

Не на всех полках хватает места, я прижимаю стопку книг к груди одной рукой и продолжаю работать другой. Пустоты образуются и снова заполняются. Одна связь обрывается, возникает другая. Но это, разумеется, не помогает. Ничего не помогает. Закончив, я стою перед шкафом и оглядываю результат. Все по-другому, но ничего не изменилось. Я медленно выхожу из гостиной.

В какой-то момент меня возвращает к реальности холод. Мне холодно, ноги заledenели, я вся продрогла. Что-то плачет рядом с лицом, и я просыпаюсь. Видимо, во время бессонного брожения по дому я все-таки вернулась в спальню на втором этаже и заснула, поскольку проснулась я именно здесь. Одеяло соскользнуло на пол, в комнате холодно — я забыла закрыть окно. Я подтягиваю колени к груди и обхватываю их руками. *Если бы можно было просто не просыпаться. Что-то снова плачет.* Я вслепую шарю по тумбочке, на которой лежит мобильный. На дисплее два сообщения от сестры. Первое из четырех слов:

Ты же придешь вечером?

Второе такое же короткое, но тон другой.

В семь вечера. Не опаздывай!

Заставляю себя встать с кровати, накидываю халат и спускаюсь по лестнице. Те же движения, халат, лестница, все как вчера и позавчера. Те же движения, халат, лестница, как завтра и послезавтра. Я беру чайник и завариваю чай не потому, что позавтракаю я или нет имеет какое-то значение, а потому что так положено, так все делают. И это помогает мне заполнить время и мысли. Чем-то другим.

Я опускаюсь на стул и дую на чай. Между глотками смотрю в окно, окидываю взглядом сад дома напротив. Птицы шумят в кустах. На кухне того дома мужчина в костюме завязывает галстук. Напротив него за столом сидит женщина с медовыми волосами и пьет что-то из чашки. Солнце еще не поднялось над крышей, мусоровоз пыхтит по улице, люди спешат по тротуару. У них есть цель, их шаги полны решимости.

Снова осматриваю кухню, где я сижу, отмечаю пустые голые стены, местами ободранные обои, стертые ручки шкафов. Из мебели тут только стол и два простых стула. За этими четырьмя стенами меня ждет еще один день, состоящий из бессмысленных ритуалов и натуженного дыхания. Еще один день тиши-

ны и одиночества. Сестра — единственное, что еще связывает меня с миром за этими стенами. Так уж вышло, я сама так хотела.

Ты же придешь вечером?

Я встаю из-за стола и выливаю остатки чая в раковину. Не знаю, думаю я. Я правда не знаю.

2

Сестра нагибается и заглядывает в духовку сквозь засаленное стекло.

— Готова, — решает она и поправляет рукавицы-прихватки, прежде чем открыть дверцу.

На столе передо мной оказывается блюдо с лазаньей. В дополнение к нему простой зеленый салат и пакет красного вина. То же самое, что и во все прошлые пятницы. Сестра так сильно любит лазанью или же почему-то решила, что мне она нравится. Сестра наливает нам вина, садится напротив и протягивает мне приборы.

— Бери, не стесняйся, — говорит она.

Мы сидим с двумя кусками лазаньи на тарелках, от них идет пар. Сестра ест с аппетитом. Болтает о погоде, о том, что весна заставляет себя ждать. Бросив попытку обсудить со мной новый сериал, о существовании которого я даже не догадывалась, она спрашивает, как мне живется в доме. Я отвечаю, что все будет хорошо, просто я еще не успела освоиться.

Слова какие-то пустые, искусственные. Я чувствую себя странно. Точно так же я чувствовала себя пару ча-

сов назад, когда стояла в коридоре перед дверью. Я была одета и готова к выходу, когда на меня вдруг нахлынуло. *Ничего не получится, я не могу.* Я хотела позвонить и отменить встречу, я чувствовала, что не смогу участвовать в этом уже успевшем войти в традицию пятничном ужине. *Сидеть там и болтать, притворяясь, что все в порядке. Нет, только не это. Никогда больше.* Но я все равно поехала.

— Да-да, — кивает сестра. — Конечно, я просто так спросила.

Дом мне сдала одна из подруг сестры. Она сейчас совершает кругосветное путешествие. Это то, чем занимаются приятели сестры, они путешествуют и наслаждаются жизнью. Сестра с мужем тоже много путешествовали в прошлом, одни и вместе с другими парами. Но это было давно.

— Тем более что это всего на пару месяцев, — продолжает сестра, и до меня доходит, что речь все еще идет о доме. О моей жизни.

Она вертит бокал в руках, задумчиво смотрит на меня. Раньше сестра предлагала мне пожить у нее с мужем, и у меня появляется ощущение, что она готова предложить это снова.

— Все будет хорошо, — отвечаю я на невысказанный вопрос.

Краем глаза я вижу, как сестра бросает взгляды на мою тарелку с нетронутой едой. Виновато сую вилку с куском лазаньи в рот и запиваю вином. Вкуса я не чувствую. Спрашиваю сестру о работе и внимательно ее слушаю. Разговор идет лучше, когда все внимание обращено не на меня.